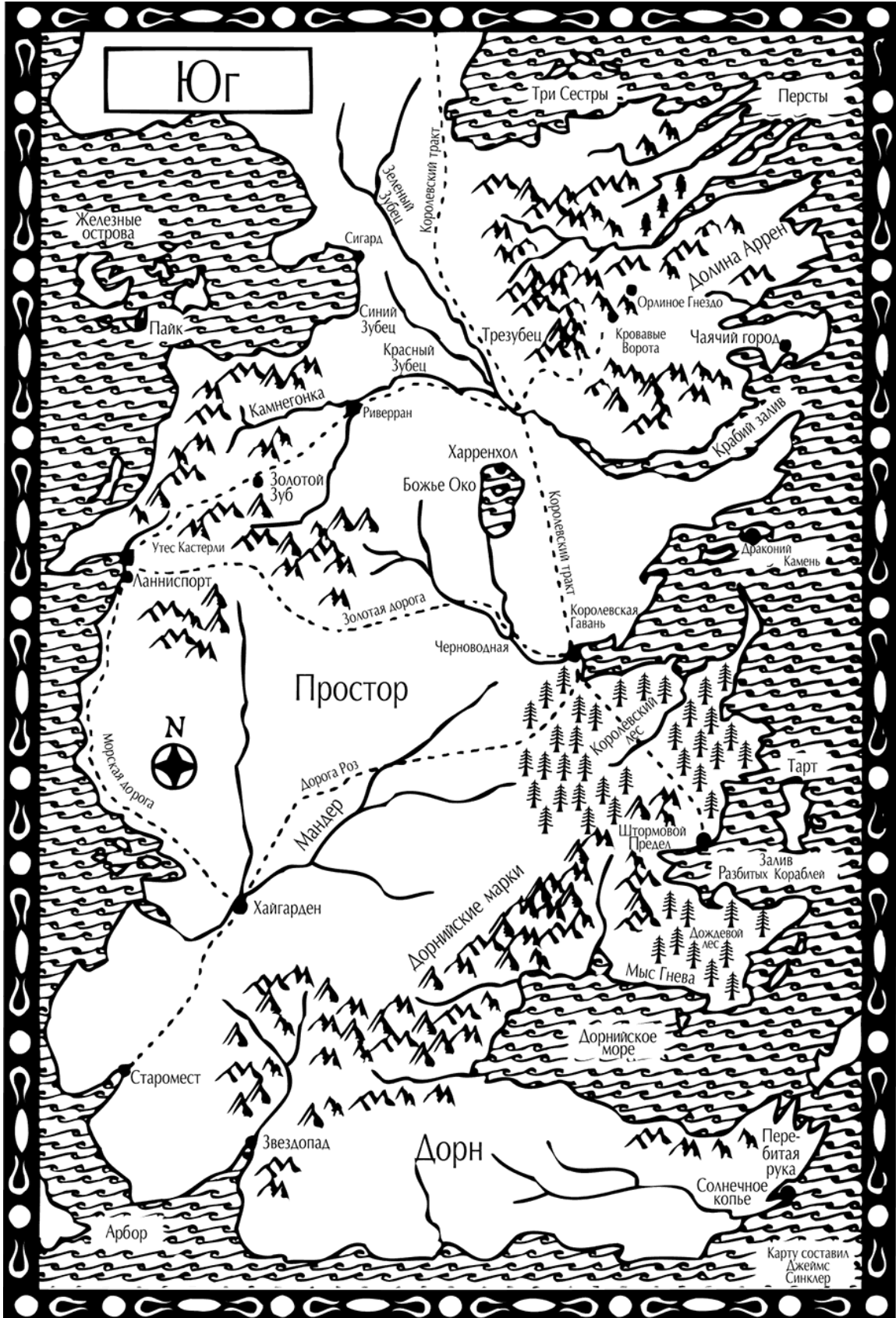

Посвящается Мелинде

Эддард

Ему снился старый сон: трое рыцарей в белых плащах, давно разрушенная башня и Лианна на окровавленном ложе.

Во сне с ним были друзья, как и тогда, в жизни. Гордый Мартин Кассель, отец Джори; верный Тео Вулл; Итан Гловер, бывший тогда оруженосцем Брандона, сир Марк Рисвелл, мягкоречивый и благородный сердцем; островной житель Хоулэнд Рид; лорд Дастин на своем огромном рыжем коне. Нед знал их лица, как свое собственное; но годы вторгаются в воспоминания, даже те, которые он поклялся не забывать. Во сне они были только теньями, серыми призраками на лошадях, сотканных из тумана.

Всемером они стояли перед троими – во сне, как и в жизни. Но троих трудно было назвать обыкновенными воинами. Они ожидали перед круглой башней, позади краснели Дорнийские горы, белые плащи раздувал ветер. Они не превратились в тени – лица оставались ясными даже теперь. Сир Артур Дейн, Меч Зари, скорбно улыбался. Рукоять двуручного меча Рассвет поднималась над его правым плечом. Сир Освелл Уэнт, припав на одно колено, правил клинок точилом. На белой эмали шлема расправляла крылья черная летучая мышь его дома. Между ними стоял свирепый сир Герольд Хайтауэр, Белый Бык, лорд-командующий Королевской гвардии.

– Я искал вас у Трезубца, – сказал Нед.

– Нас там не было, – отвечал сир Герольд.

– Горе постигло бы узурпатора, если бы мы там были, – проговорил сир Освелл.

– Когда пала Королевская Гавань и сир Джейме убил вашего короля золотым мечом, я гадал, где вы были.

– Мы были далеко, – отвечал сир Герольд. – Иначе Эйрис по-прежнему сидел бы на Железном троне, а наш брат-предатель горел бы в семи преисподних.

– Я поехал на юг, к Штормовому Пределу, чтобы снять осаду, – сказал ему Нед. – Там лорды Тирелл и Редвин сложили знамена, а все их рыцари преклонили колена в знак верности. Я был уверен, что вы окажетесь среди них.

– Мы так просто не сдаемся, – проговорил сир Артур Дейн.

– Сир Уиллем Дарри бежал на Драконий Камень с вашей королевой и принцем Визерисом. Я думал, что вы будете сопровождать их.

– Сир Уиллем человек добрый и верный, – заметил сир Освелл.

– Но он не принадлежит к числу гвардейцев, – возразил сир Герольд. – Королевская гвардия никогда не бежит.

– Ни прежде, ни теперь, – подтвердил сир Артур, надевая шлем.

– Мы дали обет, – пояснил старый сир Герольд.

Призраки зашевелились возле Неда с призрачными мечами в руках. Их было семеро против троих.

– Ну а теперь начнем, – сказал сир Артур Дейн, Меч Зари. Он извлек Рассвет и взялся за рукоять обеими руками. Бледный, как молочное стекло, клинок горел живым светом.

– Нет, – ответил Нед со скорбью в голосе. – Теперь и закончим. – И когда они сошлись вместе в схватке стали и тени, он услышал крик Лианны:

– *Эддард!*

Ветер бросил на кровавое небо тучу лепестков розы, синих, как глаза смерти.

– Лорд Эддард, – вновь позвала Лианна.

– Обещаю, – прошептал он. – Лиа, я обещаю...

– Лорд Эддард! – послышался мужской голос из тьмы.

Со стоном Эддард Старк открыл глаза, лунный свет вливался сквозь высокие окна башни Десницы.

– Лорд Эддард? – Над постелью склонилась тень.

– Как... как долго? – Простыни сбились, нога в лубке, в боку пульсирует боль.

– Шесть дней и семь ночей. – Голос принадлежал Вейону Пулу. Стюард поднес чашу к губам Неда. – Выпейте, милорд.

– Что?..

– Чистая вода. Мэйстер Пицель сказал, что вам захочется пить.

Нед глотнул. Сухие губы потрескались. Вода оказалась сладкой, как мед.

– Король оставил приказ, – проговорил Вейон Пул, когда чаша опустела. – Он желает поговорить с вами, милорд.

– Завтра, – сказал Нед. – Когда я окрепну.

Он не мог сейчас встретить Роберта лицом к лицу, сон лишил его сил, сделал слабым, как котенка.

– Милорд, – проговорил Пул, – король приказал прислать вас к нему, как только вы откроете глаза. – Стюард торопливо принялся зажигать свечи.

Нед тихо ругнулся. Роберт никогда не был известен своим терпением.

– Передай королю, что я слишком слаб, чтобы явиться к нему. Если он хочет переговорить со мной, я буду рад принять его у себя. Надеюсь, ты его разбудишь. И позови... – Нед уже собрался назвать Джори, когда вспомнил. – Позови капитана моей стражи.

Алин вступил в опочивальню через мгновение после того, как стюард откланялся.

– Милорд!

– Пул утверждает, что прошло шесть дней, – сказал Нед. – Я должен знать положение дел.

– Цареубийца бежал из города, – доложил Алин. – Говорят, что он направился в Утес Кастерли к своему отцу. Повесть о том, как леди Кэтлин захватила Беса, у всех на устах. Я выставил дополнительную стражу, если вы не против.

– Не против, – заверил его Нед. – Как дочери?

– Они посещали вас каждый день, милорд. Санса тихо молится, но Арья... – он помедлил, – не произнесла ни слова после того, как вас принесли сюда. Такая свирепая кроха. Я никогда не видел подобной ярости в девочке.

– Что бы ни случилось, – проговорил Нед, – я хочу, чтобы дочери мои были в безопасности. Боюсь, что это только начало.

– С ними не случится плохого, лорд Эддард, – заверил Алин. – Пока я жив.

– А Джори и все остальные...

– Я передал останки Молчаливым Сестрам, чтобы их отослали на север, в Винтерфелл. Джори хотел бы лежать возле своего деда...

...Возле деда, ведь отец Джори был похоронен далеко на юге. Мартин Кассель погиб вместе с остальными. Тогда Нед велел разрушить башню и сложить из ее кровавых камней восемь кэрнов на гребне. Говорили, что Рэйгар называл это место Башней Счастья, но у Неда с ней были связаны горькие воспоминания. Да, их было

семеро против троих, но лишь двое смогли покинуть это место: сам Эддарт Старк и маленький островной житель Хоуленд Рид. Эддарт не усматривал доброго предзнаменования в том, что сон этот приснился ему снова после столь многих лет.

– Ты распорядился правильно, Алин, – проговорил Нед, увидев возвратившегося Вейона Пула. Стюард поклонился.

– Его светлость здесь, милорд, а вместе с ним и королева.

Нед подвинулся выше, дернулся, когда ногу пронзила боль. Он не рассчитывал увидеть Серсею. Встреча эта не сулила добра.

– Впусти их и оставь нас. Наши слова не должны выйти за пределы этих стен.

Пул молча вышел.

Роберту хватило времени, чтобы облачиться в черный бархатный дублет с коронованным оленем Баратеонов, вышитым на груди золотой ниткой, и золотую мантию под плащом из светлых и темных квадратов. Рука короля держала бутылку вина, лицо его покраснелось после выпивки. Серсея Ланнистер вошла следом, волосы ее украшала усыпанная самоцветами тиара.

– Ваша светлость, – проговорил Нед, – прошу прощения, но я не могу подняться.

– Ерунда, – отозвался король ворчливо. – Хочешь вина? Из Арбора. Хороший урожай.

– Только немного, – сказал Нед. – Голова моя еще тяжела после макового молока.

– Человек на вашем месте должен радоваться тому, что голова его вообще еще остается на плечах, – объявила королева.

– Тихо, женщина! – отрезал Роберт. Он поднес Неду чашу вина. – Нога еще болит?

– Немного, – отвечал Нед. Голова его пылала, но он не хотел признаваться в слабости перед королевой.

– Пицель утверждает, что нога заживет. – Роберт нахмурился. – Как я понимаю, тебе известно, что сделала Кэтлин?

– Так-то оно так. – Нед отпил вина. – Но моя леди-жена не виновна в своем поступке, ваша светлость. Она сделала это по моему распоряжению.

– Я недоволен тобой, Нед, – буркнул Роберт.

– По какому праву вы смеее прикасаться к моим родственникам? – потребовала ответа Серсея. – Кем, по-вашему, вы являетесь?

– Десницей короля, – ответил ей Нед с ледяной любезностью. – Иначе говоря, персоной, которую ваш лорд-муж обязал поддерживать в королевстве мир и выполнять королевское правосудие.

– Вы *были* десницей, – начала Серсея, – но теперь...

– *Молчать!* – взревел король. – Ты спросила его, и он ответил... – Серсея умолкла в холодном гневе, и Роберт повернулся к Неду: – Чтобы поддерживать в королевстве мир, ты говоришь? Так вот как ты поддерживаешь мир, Нед? Погибло семеро...

– Восьмеро, – поправила королева. – Трегар умер сегодня утром от удара, полученного им от лорда Старка.

– Похищение на Королевском тракте и пьяное побоище на моих улицах, – проговорил король. – Я этого не потерплю.

– У Кэтлин были все причины, чтобы арестовать Беса...

– Я сказал, что не потерплю этого! В пекло все причины. Ты прикажешь ей немедленно отпустить карлика и помиришься с Джейме.

– Трое моих людей погибли на моих глазах, потому что Джейме Ланнистер пожелал *покарат* меня. Неужели я должен это забыть?

– Мой брат не был причиной ссоры, – сказала королю Серсея. – Лорд Старк пьяным возвращался из борделя. Люди его напали на Джейме и его стражу – именно так, как жена его схватила Тириона на Королевском тракте.

– Не верь этому, Роберт, ты знаешь меня, – проговорил Нед. – Спроси лорда Бэйлиша, если сомневаешься. Он был там.

– Я говорил с Мизинцем, – ответил Роберт. – Он сказал, что поехал за золотыми плащами до того, как началась схватка, но он признает, что вы возвращались из какого-то борделя.

– *Какого-то* борделя? Разуи свои глаза, Роберт, я ездил туда посмотреть на твою дочь! Мать назвала ее Баррой, она похожа на твою первую девочку, которая родилась в Долине, когда мы были мальчишками. – Говоря эти слова, он глядел на королеву, лицо которой превратилось в застывшую маску, бледную и ничего не выражающую.

Роберт покраснел.

– Барра, – пророкотал он. – Решила сделать мне приятное, проклятая девка. Я думал, что она поумнее.

– Ей нет и пятнадцати, она уже шлюха, и ты считаешь, что она может быть *умной*? – ответил, не веря себе, Нед. Нога его отчаянно разболелась, и трудно было сдержаться. – Дурочка любит тебя, Роберт.

Король поглядел на Серсею.

– Тема эта не подходит для ушей королевы.

– Ее светлости не понравится все, что я могу сказать, – заметил Нед. – Мне передали, что Цареубийца бежал из города. Прикажи мне вернуть его и поставить перед правосудием.

Король задумчиво покрутил чашу с вином и пригубил.

– Нет, – решил он. – С меня довольно. Джейме убил у тебя троих, ты у него пятерых. На этом и закончим.

– Таково, значит, твое представление о справедливости? – вспыхнул Нед. – Я рад, что больше не являюсь твоим десницей.

Королева поглядела на мужа:

– Если бы какой-нибудь человек осмелился обратиться к Таргариену, как говорит с тобой этот...

– Ты что, принимаешь меня за Эйрису? – прервал ее Роберт.

– Я принимаю тебя за *короля*! Джейме и Тирион твои братья по законам брака и родственных связей. Старки изгнали одного из них и захватили другого. Человек этот бесчестит тебя каждым своим дыханием, и ты кротко стоишь здесь, спрашиваешь, болит ли его нога и не хочется ли ему вина?

Роберт потемнел от гнева.

– Сколько раз, женщина, должен я приказывать тебе попридержаться язык?

Лицо Серсеи изобразило все оттенки презрения.

– Как же это нас перепутали боги? – сказала она. – По всем правилам, тебе следовало бы носить юбку, а мне броню.

Багровый от гнева король ударил ее тыльной стороной ладони по щеке, Серсея наткнулась на стол и тяжело упала, но не вскрикнула. Тонкие пальцы легли на щеку, бледная и гладкая кожа покраснела. На следующее утро синяк, это уж точно, зальет половину ее лица.

– Буду носить его как знак чести, – объявила она.

– Только носи в молчании, иначе я еще раз почту тебя, – посулил Роберт. Он кликнул гвардейцев.

В комнате появился сир Меррин Трант, высокий и хмурый в своей белой броне.

– Королева устала. Проводи ее в опочивальню. – Не говоря ни слова, рыцарь помог Серсее подняться на ноги и вывел ее.

Роберт потянулся к бутылке и вновь налил свою чашу.

– Теперь видишь, что она со мной делает, Нед. – Король опустился в кресло, сжимая чашу с вином. – Любящая жена, мать моих детей. – Ярость оставила его, в глазах короля Нед теперь видел скорбь и даже испуг. – Мне не следовало бить ее. Это не... это не *королевский* поступок. – Он поглядел на руки, словно бы не вполне понимая, что они собой представляют. – Я всегда был силен... никто не мог выстоять передо мной. Никто. Но как бороться с тем, кого нельзя ударить? – В смятении король потряс головой. – Рэйгар... Рэйгар *победил*, проклятье! Я убил его, Нед, я вонзил шип в его черный доспех, в его черное сердце, и он умер у моих ног. Об этом поют песни. И все же он каким-то образом победил. Теперь он с Лианной, а я – с *ней*. – Он осушил чашу.

– Ваша светлость, – сказал Нед, – мы должны переговорить...

Роберт прижал пальцы к вискам.

– Меня смертельно тошнит от разговоров. Утром я отправляюсь в Королевский лес на охоту. Все, что ты хочешь сказать, может подождать до моего возвращения.

– Если боги будут милосердны, меня здесь уже не будет. Ты приказал мне возвращаться в Винтерфелл, помнишь?

Роберт встал, ухватившись за один из столбиков кровати, чтобы устоять.

– Боги редко бывают добры, Нед. На вот, это твое. – Из кармана в подкладке плаща он достал тяжелую застежку в форме руки и бросил на постель. – Нравится тебе это или нет, но ты остаешься моим десницей, чтоб тебя! Я запрещаю тебе уезжать.

Нед взял серебряную застежку. Похоже, у него не оставалось выбора. Нога его пульсировала, он чувствовал себя беспомощным, как ребенок.

– Наследница Таргариенов...

Король застонал:

– Семь преисподних, не начинай сначала этот разговор. С этим покончено, я не желаю больше слышать об этом!

– Почему ты хочешь, чтобы я был твоим десницей, если не желаешь слушать моих советов?

– Почему? – Роберт расхохотался. – А почему бы и нет? Кому-то ведь надо править этим проклятым королевством! Бери знак своей власти, Нед. Он тебе идет. Но если ты еще хоть раз бросишь его мне в лицо, клянусь, я сразу же приколю проклятую штуковину на грудь Джейме Ланнистера.

Кэтлин

Восточный небосклон порозовел и зазолотился, когда солнце поднялось над Долиной Арренов. Положив руки на изящную каменную балюстраду за окном, Кэтлин Старк следила, как разливается свет. Мир внизу пробуждался: становился из черного индиговым, а потом зеленым, рассвет крался уже по полям и лесам. Бледный туман поднимался от Слез Алисы, оттуда, где призрачный поток срывался со склона горы, чтобы начать свое долгое падение вдоль Копья великана; Кэтлин даже ощущала лицом слабое прикосновение влаги.

Алиса Аррен увидела смерть своего мужа, братьев и всех своих детей, однако при жизни не пролила ни слезинки, посему после смерти боги велели ей не знать усталости, пока слезы ее не увлажнят черную землю Долины, в которую ушли люди, некогда любимые ею. Алиса умерла шесть тысяч лет назад, но до сих пор ни одна капля потока еще не достигла почвы Долины. Кэтлин попыталась представить, каким будет водопад ее собственных слез после смерти.

– Рассказывайте остальное, – сказала она.

– Цареубийца собирает войско у Утеса Кастерли, – ответил сир Родрик Кассель из комнаты позади нее. – Ваш брат пишет, что он послал гонцов на Утес, потребовав, чтобы лорд Тайвин открыл свои намерения, но тот ему не ответил. Эдмур приказал лорду Вэнсу и лорду Пайперу охранять проход под Золотым Зубом. Он обещает вам, что не отдаст ни пяди земли дома Талли, не увлажнив ее кровью Ланнистеров.

Кэтлин отвернулась от восходящего солнца. Краса его не слишком-то утешала. Казалось жестоким, что день, начинающийся с такой красоты, обещал закончиться столь отвратительно.

– Эдмур шлет гонцов и дает клятвы, – сказала она. – Но Эдмур не лорд Риверрана. Что слышно о моем лорде-отце?

– В послании не упоминалось о лорде Хостере, миледи. – Сир Родрик потянул себя за бакенбарды. Пока он оправлялся от своих ран, они отросли – белые, словно снег, и жесткие, как колючий

кустарник; старый мастер над оружием снова стал почти похож на себя самого.

– Отец не поручил бы оборону Риверрана Эдмуру, если бы не чувствовал себя очень плохо, – сказала она озабоченно. – Надо было разбудить меня сразу, как только прилетела эта птица.

– Ваша леди-сестра посчитала, что вам лучше поспать, так сказал мэйстер Колмон.

– Меня надо было разбудить, – настаивала она.

– Мэйстер сказал, что ваша сестра намеревается поговорить с вами после поединка, – продолжил сир Родрик.

– Значит, она все еще не отказалась от этого фарса? – скривилась Кэтлин. – Карлик сыграл на ней, как на волынке, а Лиза слишком глуха, чтобы слышать мелодию. Чем бы ни кончилось сегодняшнее утро, сир Родрик, нам пора ехать отсюда. Место мое в Винтерфелле – возле моих сыновей. Если у вас хватит сил сесть на коня, я попрошу Лизу, чтобы нам дали отряд, который проводит нас до Чаячьего города. Оттуда мы можем кораблем отправиться домой.

– Опять кораблем? – Сир Родрик буквально на глазах позеленел, однако сдержал дрожь в голосе. – Как прикажете, миледи.

Старый рыцарь остался ждать возле ее двери, когда Кэтлин кликнула выделенных ей Лизой служанок. Надо бы переговорить с сестрой до поединка, быть может, она передумает, прикидывала Кэтлин одеваясь. Политика Лизы зависела от настроения, а настроение ее менялось ежечасно. Робкая девочка, которой сестра была в Риверране, превратилась в женщину, попеременно гордую, пугливую, жестокую, мечтательную, безрассудную, застенчивую, упрямую, тщеславную и, прежде всего, *непостоянную*.

Когда ее подлый тюремщик приполз, чтобы рассказать о признании Тириона Ланнистера, Кэтлин просила Лизу принять карлика с глазу на глаз, но нет, ничто не могло изменить решения сестры, собравшейся блеснуть перед доброй половиной Долины. И теперь еще это...

– Ланнистер – *мой* пленник, – сказала Кэтлин сир Родрику, когда они спускались по ступенькам башни и шли по холодным белым залам Орлиного Гнезда. На ней было простое серое шерстяное платье с посеребренным поясом. – Следует напомнить об этом сестре.

У дверей в комнаты Лизы они встретили вышедшего оттуда в гнев дядю Кэтлин.

– Собираетесь поучаствовать в празднике дураков? – воскликнул сир Бринден. – Я бы посоветовал тебе вколотить крупицу здравого смысла в сестрицу, если бы считал, что это возможно. Но ты только отобьешь себе руку.

– Прилетела птица из Риверрана, – начала Кэтлин, – с письмом от Эдмура...

– Я знаю, дитя. – Черная рыба, стягивавшая плащ, была единственным украшением Бриндена. – Мне пришлось узнать об этом от мэстера Колмона. Я попросил у твоей сестры тысячу опытных людей, чтобы отправиться с ними в Риверран со всей возможной скоростью. И знаешь, что она мне ответила? *«Долина не может выделить не только тысячи мечей, но даже одного, дядя. А ты – Рыцарь Ворот, твое место здесь»*. – Порыв детского смеха вырвался из открытой двери позади них, и Бринден мрачно глянул через плечо. – Ну я и сказал ей, что она вполне может искать себе нового Рыцаря Ворот. Пусть я и Черная Рыба, но я пока еще Талли. И я отъезжаю в Риверран сегодня вечером.

Кэтлин не могла скрыть удивления.

– Один? Ты не хуже меня знаешь, что одному человеку не выжить на высокогорной дороге, а мы с сиром Родриком возвращаемся в Винтерфелл. Поедем вместе, дядя. Я дам тебе твою тысячу, Риверран не останется в одиночестве.

Бринден подумал мгновение, потом резко кивнул.

– Пусть будет, как ты говоришь. Этот путь до дома долгий, но по нему я скорее туда попаду. Я подожду вас внизу. – Он направился прочь, плащ развевался позади него.

Кэтлин обменялась взглядом с сиром Родриком. Они направились в дверь – на тонкий нервный детский смешок.

Палаты Лизы выходили в небольшой сад, засаженный голубыми цветами, – кружок земли и травы, со всех сторон окруженный высокими белыми башнями. Строители намеревались устроить здесь богорощу, но Орлиное Гнездо лежит на твердом камне, и, сколько бы ни носили земли из долины, чардрево так и не пустило здесь корни. Поэтому лорды Орлиного Гнезда засадили свободное место травой и расставили статуи посреди невысоких цветущих кустарников. Здесь два чемпиона должны были рискнуть, отдав свои жизни и судьбу Тириона Ланнистера в руки богов.

Лиза, приняв ванну и нарядившись в кремовый бархат, дополненный ниткой сапфиров и лунных камней на белой шее, собрала свой двор на террасе над местом сражения и сидела в окружении свиты: рыцарей, а также знатных и не столь уж знатных лордов. Многие среди них все еще надеялись на брак с ней – на ее ложе, на право править Долиной Арренов. Судя по наблюдениям Кэтлин за время пребывания в Орлином Гнезде, надежды их были тщетны.

Для кресла Роберта соорудили деревянный помост, лорд Орлиного Гнезда хихикал и хлопал в ладоши, пока горбатый кукольник в сине-белом шутовском наряде заставлял двух деревянных рыцарей рубить и колоть друг друга. Были выставлены кувшины с густыми сливками и корзинки с ежевикой, гости попивали сладкое, пахнущее апельсинами вино из чеканных серебряных чаш. Бринден назвал это *праздником дураков*, оно и неудивительно.

На той стороне террасы Лиза весело смеялась какой-то шутке сира Хантера и ела ежевику с острия кинжала сира Лина Корбрея. Этих женихов Лиза поощряла более всего... по крайней мере сегодня. Кэтлин едва ли сумела бы сказать, который из двоих менее подходил ей. Изуродованный подагрой Хантер был даже старше Джона Аррена, судьба прокляла его тремя задиристыми сыновьями, один другого жаднее. Выбор сира Лина был безрассуден по другой причине; сухощавый и симпатичный наследник древнего, но обедневшего дома, он был тщеславен, опрометчив и вспыльчив... Кроме того, шептали, что интимные прелести женщин подозрительно мало волнуют его.

Заметив Кэтлин, Лиза приветствовала ее сестринским объятием и влажным поцелуем в щеку.

– Правда, очаровательное утро? Боги улыбаются нам. Отведай вина, милая сестрица. Лорд Хантер любезно прислал нам этот напиток из собственных погребов.

– Спасибо тебе, Лиза, нет. Мы должны поговорить.

– Потом, – обещала сестра, уже отворачиваясь от нее.

– Сейчас, – проговорила Кэтлин более громким голосом, чем хотела. Люди начали оборачиваться. – Лиза, ты ведь не собираешься продолжать это безрассудство. Бес имеет цену, куда он жив. Мертвым он годен только для ворон. Ну а если победит его чемпион...

– На это шансы невелики, миледи, – уверил ее лорд Хантер, похлопав Кэтлин по плечу рукой в старческих пятнах. – Сир Вардис – крепкий боец. Он разделается с наемником.

– Кто знает, милорд? – холодно сказала Кэтлин. – Сомневаюсь. – Она видела Бронна на высокогорной дороге; наемник отнюдь не случайно уцелел в путешествии, когда остальные погибли. В бою он двигался словно пантера, а уродливый меч казался частью его руки.

Женихи Лизы собирались поблизости, как пчелы вокруг цветка.

– Ну, женщины слабо разбираются в подобных вещах, – уверил ее сир Мортон Уэйнвуд. – Сир Вардис – рыцарь, милая леди. А люди, подобные его противнику, в сердце своем всегда трусливы. Окруженные тысячью собратьев, они достаточно полезны в битве, но в поединках мужество оставляет их.

– Положим, что вы правы, – сказала Кэтлин с любезностью, от которой во рту стало больно. – Чего мы добьемся смертью карлика? Или вы воображаете, что Джейме будет разбираться, *судили* его брата или нет, прежде чем сбросить с горы?

– Обезглавьте его, – посоветовал сир Лин Корбрей. – Когда Цареубийца получит голову Беса, это послужит ему предостережением.

Лиза нетерпеливо тряхнула доходящими до талии темно-рыжими волосами.

– Лорд Роберт желает увидеть, как он полетит, – ответила она, словно это исчерпывало вопрос. – А Бес пусть винит тогда только себя самого. Это он потребовал суда поединком.

– Миледи Лиза не могла достойно отказать ему, даже если бы она захотела, – многозначительно проговорил лорд Хантер.

Игнорируя всех, Кэтлин направила все силы на сестру:

– Напоминаю тебе, Тирион Ланнистер – мой пленник.

– А я напоминаю тебе: этот карлик убил моего лорда-мужа! – Голос Лизы стал громче. – Он отравил десницу короля, оставил мое милое дитя без отца, и теперь я намереваюсь расплатиться с ним! – Резко отвернувшись и взмахнув юбками, Лиза зашагала по террасе. Сиры Лин, Мортен и прочие женихи прохладно откланялись и отправились следом за ней.

– Вы думаете, он это сделал? – негромко спросил сир Родрик, когда они вновь остались одни. – Что Тирион убил лорда Джона?

Бес отрицает это самым решительным образом...

– Я полагаю, что лорда Аррена убили Ланнистеры, – ответила Кэтлин, – но кто сделал это – Тирион, сир Джейме, королева или все они вместе, – сказать не могу.

Лиза называла Серсею в том письме, которое прислала в Винтерфелл, но теперь она казалась уверенной, что именно Тирион был убийцей... не потому ли, что карлик здесь, под рукой, а королева пребывала в безопасности за стенами Красного замка, в сотнях лиг к югу? Кэтлин едва ли не жалела о том, что не сожгла письмо своей сестры *прежде*, чем прочитать его.

Сир Родрик потянул себя за бакенбарды.

– Яд, что ж... Это действительно мог быть и карлик. Или Серсея. Ведь говорят же, что яд – оружие женщины. Прошу вашего прощения, миледи. Но чтобы Цареубийца... я не слишком-то симпатизирую ему, но он не из той породы. Он слишком любит вид крови на своем золотом мече. Яд ли это был, миледи?

Кэтлин нахмурилась, чувствуя смутное беспокойство.

– А как еще можно было сделать смерть похожей на естественную? – Позади нее лорд Роберт заверещал от восторга, когда один из марионеточных рыцарей разрубил другого напополам и из раны на террасу хлынул поток красных опилок. Кэтлин поглядела на племянника и вздохнула. – Мальчишка не знает никакой дисциплины. Он никогда не сделается крепким настолько, чтобы править, если только не забрать его от матери на какое-то время.

– Его лорд-отец был согласен с вами, – сказал голос возле ее локтя. Она обернулась и увидела мэйстера Колмона с чашей вина в руке. – Знаете, он ведь намеревался отослать мальчишку на Драконий Камень... о, но я вмешался в ваш разговор. – Кадык задергался на горле мэйстера. – Боюсь, слишком увлекся чудесным вином лорда Хантера. Перспектива кровопролития смущает мои нервы...

– Вы ошибаетесь, мэйстер, – сказала Кэтлин. – Речь шла об Утесе Кастерли, а не о Драконьем Камне, и к приготовлениям приступили после смерти десницы без согласия моей сестры.

Голова мэйстера так сильно задергалась на его нелепой длинной шее, что он и сам стал похож на марионетку.

– Нет, прошу вашего прощения, миледи, именно лорд Джон...

Внизу громко ударил колокол, и знатные лорды, – а следом за ними и служанки, – оставив свои дела, двинулись к балюстраде. Внизу два стражника в небесно-синих плащах вывели Тириона Ланнистера. Пухлый септон Орлиного Гнезда проводил его в центр сада к вырезанной из белого с прожилками мрамора статуе плачущей женщины, вне сомнения, изображавшей Алису.

– Скверный коротышка, – сказал лорд Роберт хихикая. – Мама, можно я пуцу его полетать? Я хочу увидеть, как он летает.

– Позже, мой милый, – пообещала ему Лиза.

– Сперва суд, – произнес сир Лин Корбрей, растягивая слова, – а казнь потом.

Мгновение спустя оба противника появились с противоположных сторон сада. Рыцаря сопровождали два молодых оруженосца, наемника – мастер над оружием Орлиного Гнезда.

Сир Вардис Иген был закован в сталь от головы до пят: тяжелые латы поверх кольчуги и подбитого сюрко. Большие круглые рондели, покрытые кремовой и голубой эмалью, под цвет луне и соколу дома Арренов, защищали уязвимое соединение руки и плеча. Юбка из находящихся друг на друга металлических пластин прикрывала его тело ниже поясицы до середины бедра, сплошной горжет охватывал горло, из висков шлема выростали соколиные крылья, а забрало изображало острый металлический клюв с узкой прорезью для глаз.

Бронн был настолько легко вооружен, что казался почти нагим рядом с рыцарем. Наемник ограничился черной промасленной кольчугой, надетой поверх проваренной кожи, кольчужным койфом и круглым стальным полушлемом с наносником. Высокие кожаные сапоги со стальными пластинами в известной мере защищали его ноги, диски черного железа были нашиты на пальцы перчаток. Тем не менее Кэтлин отметила, что наемник на половину ладони выше своего соперника и руки его длиннее... Кроме того, Бронн был на пятнадцать лет моложе сира Вардиса, насколько она могла судить.

Обратившись лицом друг к другу, они преклонили колена в траве перед плачущей женщиной. Ланнистер стоял между ними. Септон достал из мягкой тряпочной сумки на поясе граненую хрустальную сферу. Он высоко поднял кристалл над головой, и свет преломился. Радуги заплясали на лице Беса. Высоким торжественным напевом септон попросил богов взглянуть вниз и засвидетельствовать истину

в душе этого человека; даровать ему жизнь и свободу, если он невиновен, в ином случае – послать ему смерть. Его голос отражался от башенных стен.

Когда последний отголосок его слов угас, септон опустил свой кристалл и заторопился прочь. Тирион наклонился и прошептал что-то на ухо Бронну, прежде чем стражники увели его. Наемник, гоготнув, поднялся и смахнул травинку с колена.

Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда и Защитник Долины, нетерпеливо закопошился на своем высоком престоле.

– Когда они начнут драться? – жалобно спросил он.

Сир Вардису помог подняться один из его оруженосцев. Другой принес ему треугольный щит почти в четыре фута высотой – массивный дуб, усиленный железными заклепками. Щит надели на его левую руку. Когда оружейных дел мастер Лизы предложил Бронну подобный щит, наемник сплюнул и отмахнулся. Трехдневная черная щетина закрывала его челюсти и щеки, но не брился он отнюдь не потому, что ему нечем было это сделать: лезвие его меча грозно светилось, как и подобает часами точившейся стали, к краю которой даже прикоснуться опасно.

Сир Вардис протянул руку в латной рукавице, а оруженосец вложил в нее изящный обоюдоострый длинный меч. Клинок украшал тонкий серебряный узор, изображавший горное небо. Рукоять была украшена соколиной головой, поперечина изображала крылья.

– Этот меч выковали для Джона в Королевской Гавани, – горделиво сказала Лиза своим гостям, наблюдая за пробным замахом сира Вардиса. – Он всегда брал его, садясь на Железный трон вместо короля Роберта. Правда, очаровательная вещь? Я подумала, что нашему чемпиону подобает отомстить за Джона его собственным клинком.

Гравированное серебряное лезвие было, вне всяких сомнений, прекрасным, но Кэтлин показалось, что сир Вардис наверняка чувствовал бы себя увереннее со своим собственным мечом. Но тем не менее ничего не сказала, устав от бесполезных споров с сестрой.

– Пусть они начнут биться! – крикнул лорд Роберт.

Сир Вардис обратился лицом к лорду Орлиного Гнезда, салютуя, приподнял свой меч:

– За Орлиное Гнездо и Долину!

Окруженный стражей Тирион Ланнистер сидел на балконе по другую сторону сада. Бронн повернулся к нему с небрежным салютом.

– Они ждут твоего приказа, – сказала леди Лиза своему лордусыну.

– *Бейтесь!* – завизжал мальчишка, дрожащими руками впиваясь в поручни кресла. Сир Вардис развернулся, поднимая тяжелый щит. Бронн повернулся к нему лицом. Мечи столкнулись раз и другой, пробуя оборону. Наемник отступил на шаг. Рыцарь последовал за ним, выставив перед собой щит. Он попытался ударить, но Бронн вовремя отскочил, и серебряный клинок рассек только воздух. Бронн вильнул вправо. Сир Вардис повернулся, отгораживаясь щитом, и шагнул вперед, осторожно ставя ноги на неровную землю. Наемник отступал, слабая улыбка играла на его губах. Сир Вардис атаковал рубящим ударом, но Бронн еще раз отступил, легко вскочив на невысокий, поросший мхом камень. Теперь наемник забирал налево, подальше от щита, к незащищенному боку рыцаря. Сир Вардис попытался подрубить его ноги, но не сумел дотянуться. Бронн отскочил еще левее. Сир Вардис повернулся на месте.

– Этот лишен доблести, – объявил лорд Хантер. – Остановись и прими бой, трус! – К нему присоединились сочувствующие голоса.

Кэтлин поглядела на сира Родрика. Ее мастер над оружием коротко кивнул:

– Наемник добивается, чтобы сир Вардис преследовал его. Вес доспехов и щита утомит даже самого сильного мужчину.

Она едва не каждый день видела, как упражняются мужчины в фехтовании, в свое время посетила с полсотни турниров, но здесь все выглядело как-то иначе и жутче: в этой пляске один ошибочный шаг

сулил смерть. И вдруг вспомнила другой поединок – столь же ясно, как если бы он состоялся вчера.

Они встретились в нижнем дворе Риверрана. Увидев, что на Петире только шлем, нагрудник и кольчуга, Брандон тут же расстался с большей частью своего вооружения. Петир попросил у нее какой-нибудь знак симпатии, чтобы повязать его, но она отказала: лорд-отец обещал ее руку Брандону Старку, ему она и подарила свой бледно-голубой шарф, на котором вышила прыгающую форель Риверрана. Передавая жениху кусочек ткани, она попросила его:

– Петир – просто глупый мальчишка, но я люблю его как брата. Мне будет горько, если он умрет.

Жених посмотрел на нее холодными серыми старковскими глазами и обещал пощадить мальчишку, который любил ее.

Та схватка окончилась, не успев начаться. Брандон был уже взрослым мужчиной, и он погнал Мизинца по двору, а потом по причальной лестнице, осыпая его дождем ударов на каждом шагу; наконец, покрытый кровью от дюжины неглубоких порезов, мальчишка начал шататься.

– Сдавайся, – то и дело требовал Брандон, но Петир только угрюмо тряс головой и продолжал наскоки.

Когда река уже плескалась у щиколоток, Брандон сумел закончить схватку жестоким обратным ударом, прорезавшим кольчугу, кожу и мягкий бок Петира ниже ребер; Кэтлин даже не усомнилась в том, что рана была смертельной. Падая, Петир поглядел на нее, пробормотал «Кэт», и алая кровь хлынула между его облаченными в перчатку пальцами. Ей казалось, что она забыла об этом.

Тогда она в последний раз видела его... до того дня, когда ее доставили к нему в Королевской Гавани.

Прошло две недели, прежде чем Мизинец набрался сил, чтобы оставить Риверран, но лорд-отец запрещал Кэтлин посещать его в башне, где он был прикован к постели. Лиза помогала мэйстеру ухаживать за Петиром; она была в те дни застенчивей и мягче. Заглядывал к нему и Эдмур, но Петир не захотел видеть его. Брат ее принимал участие в поединке в качестве оруженосца Брандона, и Мизинец этого ему не простил. Когда он достаточно окреп, лорд Талли немедленно отослал своего воспитанника на Персты в закрытых

носилках, чтобы тот закончил свое лечение на родной, продуваемой всеми ветрами скале.

Звон стали вернул Кэтлин к настоящему. Сир Вардис наступал на Бронна, подавляя его весом, щитом и мечом. Наемник отступал назад, отбивая каждый удар; легко переступая через камни и корни, он не отводил глаз от соперника. Он был быстрее, как уже заметила Кэтлин. Серебряный меч рыцаря ни разу не прикоснулся к Бронну, успевшему уже наделать щербин своим уродливым серым клинком на оплечье сира Вардиса.

Короткий поток ударов иссяк так же неожиданно, как и начался: Бронн скользнул в сторону и остановился за статуей плачущей женщины. Сир Вардис ударил в ту сторону, где остановился наемник, и выбил искру из беломраморного бедра Алисы.

– Они плохо сражаются, мама, – пожаловался лорд Орлиного Гнезда. – Я хочу, чтобы они дрались по-настоящему.

– Подожди, мое милое дитя, – утешила его мать. – Наемник не может бегать целый день.

Некоторые из лордов, находившихся на террасе, уже обменивались сухими шутками и наполняли свои чаши, но разноцветные глаза Тириона Ланнистера следили за боевой пляской с противоположной стороны сада, как за самым важным событием на земле.

Бронн стремительно выскочил из-за статуи и, не останавливая движения, с обеих рук рубанул рыцаря в не прикрытый щитом правый бок. Сир Вардис неуклюже блокировал, но наемник направил меч вверх, ему в голову. Сир Вардис изготавился, отступив на полшага, и поднял щит. Полетели дубовые щепки: меч Бронна врубился в деревянную стену. Наемник снова шагнул налево, подальше от щита, и угодил сир Вардису поперек живота; острый как бритва клинок оставил на броне яркий след.

Сир Вардис шагнул вперед, вложив весь свой вес в серебряный клинок. Бронн отбил удар в сторону и пляшущим движением уклонился. Рыцарь ударился об изваяние плачущей женщины, пошатнувшееся на своем постаменте. Пошатываясь, он отступил и принялся вертеть головой, разыскивая противника. Узкая прорезь в шлеме сужала поле зрения.

– Позади вас, сир! – вскричал лорд Хантер, но слишком поздно. Бронн обеими руками обрушил свой меч на локоть правой руки сира

Вардиса. Тонкие подвижные пластины, защищавшие сустав, треснули. Рыцарь охнул, поворачиваясь и поднимая оружие. На этот раз Бронн остался на месте. Мечи бросались друг на друга, песня стали наполняла сад и отражалась от белых башен Орлиного Гнезда.

– Сир Вардис ранен, – сказал сир Родрик серьезным голосом.

Кэтлин не нуждалась в подобных пояснениях. Глаза верно служили ей, она видела яркую струйку крови, спускавшуюся по руке рыцаря, видела влагу в сгибе локтя. Каждый новый удар был чуть медленнее и чуть слабее, чем предыдущий. Сир Вардис повернулся боком к врагу, пытаясь закрыться щитом, но Бронн скользнул вокруг него, быстрый как кошка. Наемник, казалось, обрел новую силу. Теперь от его ударов оставались отметины. Свежие зарубки блестели на броне сира Вардиса на правом бедре, на клювастом шлеме, пересекались на нагрудной пластине, особо длинная осталась на горжете. Рондель с луной и соколом на правой руке сира Вардиса разлетелся на две половинки и повис на завязках. Все слышали его трудное дыхание, воздух со свистом вырывался через забрало.

Даже ослепленные надменностью рыцари и лорды Долины понимали, что происходит внизу, но только не ее сестра.

– Довольно, сир Вардис! – свысока воскликнула Лиза. – Кончайте с ним, мой ребенок устал!

Надо сказать, что сир Вардис Иген был верен своей госпоже до последнего мгновения. Только что он отступал назад, прячась за изрубленным щитом, но вдруг пошел в атаку. Внезапный удар всем телом заставил Бронна потерять равновесие. Сир Вардис столкнулся с ним и ударил краем щита в лицо наемника. Бронн едва-едва не упал... он отшатнулся назад, споткнулся о камень и ухватился за плачущую женщину, чтобы удержаться на ногах. Отбросив щит, сир Вардис бросился вперед, обеими руками занеся меч. Правая рука его от локтя до пальцев была покрыта кровью, и отчаянный удар раскроил бы Бронна от шеи до пупа... если бы только наемник оставался на месте.

Но Бронн вновь отступил. И прекрасный гравированный серебряный меч Джона Аррена, отскочив от мраморного локтя плачущей женщины, отломился на треть длины от вершины клинка. Бронн оперся плечом о спину статуи. Изношенное ветром и непогодой

изваяние Алисы Аррен пошатнулось и упало с великим грохотом, придавив собой сира Вардиса Игена.

Бронн мгновенно оказался возле него, отбросив в сторону остатки ронделя, чтобы открыть слабое место между рукой и нагрудной пластиной. Сир Вардис лежал на боку, придавленный разбитым торсом статуи. Кэтлин услышала стон рыцаря, когда наемник обеими руками поднял клинок и вогнал его, надавив всем своим весом, между ребрами. Сир Вардис Иген содрогнулся и затих.

Молчание легло на Орлиное Гнездо. Бронн стянул свой полушлем и бросил его на траву. Принявшая удар щита губа была разбита и окровавлена, черные как уголь волосы намokли от пота. Наемник выплюнул выбитый зуб.

– Все кончилось, мама? – проговорил лорд Орлиного Гнезда.

«Нет, – хотела сказать Кэтлин, – все только начинается».

– Да, – мрачно ответила Лиза голосом столь же холодным и мертвым, как капитан ее гвардии.

– Можно я теперь пуцу коротышку полетать?

На противоположной стороне сада Тирион Ланнистер поднялся на ноги.

– Только не *этого* коротышку, – произнес он. – Этот коротышка намеревается спуститься вниз на подъемнике для репы. Спасибо вам большое.

– Ты полагаешь... – начала Лиза.

– Я полагаю, что дом Арренов помнит свой девиз, – продолжал Бес. – «Высокий как честь».

– Ты обещала, что я пуцу его полетать, – завопил на мать лорд Орлиного Гнезда, начиная трястись.

Лицо леди Лизы покраснелось от ярости.

– Боги сочли угодным объявить его невиновным, дитя. У нас не остается другого выхода, как освободить карлика. – Она возвысила голос. – Стража! Возьмите милорда Ланнистера и его... *существо* и уведите с глаз моих прочь. Проводите их к Кровавым Воротам и отпустите. Проверьте, чтобы они получили коней и припасы – так, чтобы хватило до Трезубца, и убедитесь, что им вернули всё их добро и оружие. На высокогорной дороге оно им понадобится.

– На высокогорной дороге, – повторил Тирион Ланнистер.

Лиза позволила себе легкую довольную улыбку. Своего рода смертный приговор, поняла Кэтлин. Тирион Ланнистер должен понимать это. Тем не менее карлик почтил леди Аррен насмешливым поклоном.

– Как вам угодно, миледи, – проговорил он. – Дорога как будто знакомая.

Джон

– Вы столь же безнадежны, как и все мальчишки, с которыми мне приходилось иметь дело, – объявил сир Аллисер Торн, собрав их во дворе. – Ваши руки годятся только для навозных лопат, а не для мечей, и если бы это зависело только от меня, все вы пасли бы свиней. Но прошлой ночью мне передали, что Гуэрен ведет по Королевскому тракту пятерых новых ребят. Быть может, за одного или двоих можно будет дать горшок мочи. Чтобы освободить для них место, я решил передать восьмерых из вас на усмотрение лорда-командующего.

Он назвал прозвища одно за другим:

– Жаба, Камнеголовый, Зубр, Любовник, Прыщ, Мартышка, сир Лунатик. – Напоследок он поглядел на Джона и объявил: – И Бастард.

Пип с восторженным возгласом подбросил меч в воздух. Сир Аллисер припечатал его к месту взглядом рептилии.

– Теперь вас будут называть мужами Ночного Дозора, но вы будете еще бóльшими дураками, чем Цирковая Мартышка, если поверите в это. Вы так и остаетесь мальчишками, зелеными, пахнущими летом, и когда придет зима, будете дохнуть как мухи! – С этим сир Аллисер Торн и оставил их.

Остальные собрались вокруг названных восьмерых со смехом, ругательствами и поздравлениями. Халдер хлопнул Жабу по мягкому месту плоской частью меча и воскликнул:

– Жаба из Ночного Дозора!

Крикнув, что черному брату положен конь, Пип вспрыгнул на плечи Гренна; они повалились на землю и принялись бороться. Дареон бросился внутрь арсенала и вернулся с бурдюком кислого красного. Ухмыляясь как дураки, они передавали вино из рук в руки, и тут Джон заметил Сэмвелла Тарли, стоявшего в одиночестве под голым мертвым деревом в уголке двора. Джон предложил ему бурдюк.

– Глотни вина?

Сэм тряхнул головой:

– Нет, спасибо тебе, Джон.

– С тобой все в порядке?

– Очень даже, – солгал толстый парень. – Я так рад за вас всех. – Круглое лицо задрожало, и он выдавил улыбку. – Когда-нибудь ты станешь первым разведчиком, каким был твой дядя.

– Как мой дядя, – поправил Джон. Он не допускал мысли, что Бенджен Старк мертв. Прежде чем он успел сказать что-то еще, Халдер воскликнул:

– Эй, неужели ты собираешься выпить все в одиночку? – Пип выхватил вино и со смехом ускакал в сторону. Гренн схватил его за руку, Пип чуть нажал бурдюк, и тонкая красная струйка брызнула в лицо Джона. Халдер запротестовал против подобной траты доброго напитка. Джон выругался и попытался уклониться. Тем временем Маттар и Джерен взобрались на стену и принялись забрасывать всех снежками.

К тому времени, когда он вырвался на свободу со снегом в волосах и пятнами вина на сюрко, Сэмвелл Тарли уже исчез.

В тот вечер ради праздника Трехпалый Хобб приготовил ребятам особый ужин. Когда Джон появился в общем зале, сам лорд-стюард провел его к скамье возле очага. Старшие хлопали его по руке. Восьмерка будущих братьев пиновала сегодня над седлом ягненка, запеченного с чесноком и травами, посыпанного мятой, в гарнире из толченой желтой репы с маслом.

– С собственного стола лорда-командующего, – объяснил Боуэн Марш.

Еще был салат из шпината, цыплячьего гороха и зеленой репки и чаша замороженной черники со сладкими сливками.

– Как вы думаете, оставят нас вместе? – принялся гадать Пип, когда они блаженствовали от сытости.

Жаба скривился:

– Надеюсь, что нет. Меня уже тошнит от вида твоих ушей.

– Ого, – проговорил Пип. – Послушайте, ворона обзывает ворона черным! Ты, конечно же, будешь разведчиком, Жаба. Тебя выставят из замка подальше – как только возможно, – и когда явится Манс Райдер, тебе останется просто поднять забрало; увидев твою рожу, одичалые в страхе убегут.

Расхохотались все, кроме Гренна:

– Надеюсь, я – разведчик.

– И ты, и все остальные, – сказал Маттар. Всякий, кто носил черное, поднимался на Стену; всякий обязан был взять сталь, обороняя ее, однако разведчики были истинным сердцем Ночного Дозора. Это они берут на себя смелость выезжать за Стену, прочесывать Проклятый лес и ледяные горные высоты к западу от Сумеречной башни, выискивая одичалых, великанов и чудовищных снежных медведей.

– Не все, – сказал Халдер. – Я хочу в строители. Какой прок от разведчиков, если Стена обрушится?

Орден строителей поставлял каменщиков и плотников, занимавшихся починкой крепостей и башен, горняков, копавших тоннели и бивших камень для дорог и троп, лесничих, срубавших новую поросль там, где лес слишком близко подступал к Стене. Прежде они, как говорили, вырубали огромные ледяные блоки из замерзших озер в недрах Проклятого леса и волокли их на санках на юг к Стене, чтобы сделать ее выше. Но те дни закончились не один век назад; теперь черные братья могли только проехать по Стене от Восточного Дозора до Сумеречной башни, выискивая трещины и проталины и при необходимости ремонтируя их.

– Старый Медведь не дурак, – рассудил Дареон. – Ты, конечно, будешь строителем, а Джон разведчиком. Он среди нас лучший фехтовальщик и наездник, а дядя его был первым разведчиком, прежде чем... – Голос его неловко умолк, когда он понял, что собирался сказать.

– Бенджен Старк по-прежнему остается первым разведчиком, – ответил ему Джон Сноу, вертя в руках чашу черники. Все прочие пусть отказываются от надежд на возвращение его дяди, но он подождет. Джон отодвинул ягоды, почти не прикоснувшись к ним, и поднялся со скамьи.

– Ты что, не хочешь их есть? – спросил Жаба.

– Они твои. – Джон едва попробовал парадные блюда Хобба. – Ничего в глотку не лезет! – Взяв плащ с крюка возле стены, он направился наружу.

Пип увязался за ним.

– Джон, что случилось?

– Сэм, – признался тот. – Его не было сегодня за столом.

– Да, он не из тех, кто пропускает еду, – сказал Пип задумчиво. – Ты думаешь, он заболел?

– Он испугался, ведь мы оставляем его. – Джон вспомнил день, когда оставил Винтерфелл, горькую сладость прощания, изувеченного Брана в постели, Робба с припорошенными снегом волосами, Арию, получившую в подарок Иглу и осыпавшую его поцелуями. – Когда мы произнесем слова, у каждого из нас появятся обязанности. Кого-то из нас могут отослать в Восточный Дозор, кого-то в Сумеречную башню. Сэм останется учиться в обществе Раста, Куджера и новых ребят, которые едут по Королевскому тракту. Одни лишь боги знают, что они собой представляют, но можно не сомневаться: сир Аллисер выставит их против Сэма при первой же возможности.

Пип скривился.

– Ты сделал все, что мог.

– Все, что мог, но этого мало, – сказал Джон.

Глубокое беспокойство охватило его, когда он возвращался в башню Хардина за Призраком. Лютоволк направился вместе с ним в конюшню. Когда они вошли, кони попугливее начали брыкаться в стойлах и закладывать уши. Джон заседлал свою кобылу, поднялся в седло и выехал из Черного замка на юг – в лунную ночь. Призрак неся впереди него, он словно летел над землей и исчез в мгновение ока. Джон отпустил его: волку нужно охотиться.

У него не было никаких особых намерений. Он просто хотел проехаться. Некоторое время Джон следовал вдоль ручья, прислушиваясь к ледяному треньканью воды на камнях, потом взял через поля к Королевскому тракту. Дорога простиралась перед ним – узкая, каменистая, заросшая высокой травой – и ничего, собственно, не сулила, однако вид ее наполнил душу Джона Сноу странным волнением. На другом конце дороги лежал Винтерфелл, а за ним Риверран, Королевская Гавань, Орлиное Гнездо и другие края: Утес Кастерли, остров Ликов, красные Дорнийские горы, сотня островов Браавоса посреди моря и дымящиеся руины древней Валирии. И ничего этого Джон никогда не увидит. Мир остался на одном конце ночной дороги, а он стоял в другом ее конце.

Как только он принесет присягу, Стена навсегда делается его домом – пока он не состарится, не делается таким, как мэйстер Эймон.

– Я еще не присягнул, – пробормотал Джон. Он не был разбойником, обреченным надеть черное или поплатиться за свои преступления. Он пришел сюда по собственному желанию и пока может по своему же желанию и уехать... Роковые слова еще не произнесены. Достаточно было только поехать вперед, и он мог оставить Стену. Когда луна вновь станет полной, он уже окажется в Винтерфелле, около своих братьев.

«Около своих *сводных* братьев, – напомнил ему внутренний голос. – *И рядом с леди Старк, которая вовсе не будет рада тебе*». Для него нет места в Винтерфелле, как нет места и в Королевской Гавани. Даже собственная мать не нашла для него места в своей жизни. Мысль о ней повергла его в скорбь. Он размышлял, кем она была, как выглядела, почему отец оставил ее. *«Потому что она была шлюхой или прелюбодейкой, дурак. Существом темным и бесчестным, иначе почему лорд Эддард стыдился упоминать ее имя?»*

Джон Сноу отвернулся от Королевского тракта и поглядел назад. Огни Черного замка скрывал холм, но Стена оставалась на месте – бледная под луной, огромная и холодная, протянувшаяся от горизонта до горизонта.

Он развернул коня и направился домой.

Призрак вернулся, как только Джон поднялся на гребень и заметил свет ламп в башне лорда-командующего. С влажной от крови мордой лютоволк пристроился возле его коня. Возвращаясь назад, Джон вновь подумал о Сэмвелле Тарли. И въезжая в конюшню, уже знал, что надо делать.

Комнаты мэстера Эймона располагались в крепком деревянном доме под птичником. Старый и дряхлый мэстер делил свои покои с двумя молодыми стюардами, которые заботились о нем и помогали ему при исполнении обязанностей. Братья пошучивали, что мэстеру подсунули двух самых больших уродов во всем Ночном Дозоре; будучи слепым, он был избавлен от необходимости на них смотреть. Лысый коротышка Клидас был начисто лишен подбородка, маленькие розовые глазки напоминали кротовьи. У Четта на шее была шишка величиной с голубиное яйцо, лицо побагровело от прыщей и нарывов. Наверное, поэтому он всегда казался сердитым.

На стук открыл Четт.

– Мне нужно переговорить с мэстером Эймоном, – заявил Джон.

– Мэйстер уже в постели, и тебе тоже следует спать. Приходи завтра, быть может, он примет тебя. – Четт начал закрывать дверь.

Джон вставил в щель ногу.

– Мне нужно переговорить с ним немедленно. Утром будет слишком поздно.

Четт нахмурился:

– Мэйстер не привык, чтобы его будили посреди ночи. Ты знаешь, какой он старый?

– Он достаточно стар, чтобы обращаться с гостями более любезно, чем ты, – сказал Джон. – Передай ему мои извинения. Я не стал бы прерывать его отдых, если бы дело не было срочным.

– А если я откажусь?

Нога Джона надежно перекрывала дверь.

– Я буду стоять здесь всю ночь, если придется.

Черный брат с раздраженным бурчанием открыл дверь, впуская его.

– Ступай в библиотеку, там есть дрова. Растопи очаг. Я не хочу, чтобы мэйстер простудился из-за тебя!

Когда Четт ввел мэйстера Эймона, Джон уже развел в очаге трескучий огонь. Старик был в ночной одежде, но горло его перехватывала цепь ордена. Мэйстер не снимал ее даже на ночь.

– Кресло возле огня – дело приятное, – сказал он, ощущая теплоту на лице. Когда мэйстер уселся поудобнее, Четт прикрыл ноги старика мехом и отошел к двери.

– Мне очень жаль, что пришлось разбудить вас, мэйстер, – сказал Джон Сноу.

– Ты не разбудил меня, – ответил мэйстер Эймон. – С возрастом я все меньше нуждаюсь во сне, а я уже очень стар. Нередко мои ночи заполняют собой призраки людей, ушедших пятьдесят лет назад, и я встречаю их, как будто мы и не расставались. Таинственный полуночный гость для меня приятное развлечение. Итак, говори мне, Джон Сноу, почему ты пришел ко мне в столь неподходящий час?

– Попросить, чтобы Сэмвелла Тарли освободили от учебы и посвятили в братья Ночного Дозора.

– Это решает не мэйстер Эймон, – выскочил вперед Четт.

– Наш лорд-командующий предоставил право обучать рекрутов сирю Аллисеру Торну, – ответил негромко мэйстер. – Только он может

сказать, когда парень будет готов к присяге, как ты, конечно, и сам знаешь. Почему же тогда ты обращаешься ко мне?

– Лорд-командующий прислушивается к вашим советам, – сказал ему Джон. – А раненые и больные Ночного Дозора находятся в вашем распоряжении.

– Разве Сэмвелл Тарли ранен или болен?

– Будет, – пообещал Джон, – если вы не поможете.

Он рассказал им все, даже то, как спустил Призрака на Раста. Мэйстер Эймон слушал безмолвно, слепые глаза были обращены к огню, но лицо Четта темнело с каждым словом.

– Мы теперь не сможем помочь ему, и у Сэма не будет даже шанса, – закончил Джон. – С мечом он безнадежен. Моя сестра Арья смогла бы разрубить его на части, а ей еще нет и десяти. Если сир Аллисер заставит его драться, Сэмвелл скоро превратится в калеку или погибнет.

Четт не мог более терпеть.

– Я видел этого жирного мальчишку в общем зале, – сказал он. – Он настоящая свинья и к тому же безнадежный трус, если все, что ты говоришь, правда.

– Быть может, ты и прав, – сказал мэйстер Эймон. – А скажи мне, Четт, как бы ты поступил с таким мальчишкой?

– Предоставил бы его самому себе, – ответил Четт. – Стена не место для слабых. Пусть учится, пока не будет готов, сколько бы лет на это ни потребовалось. Сир Аллисер или сделает из него мужчину, или убьет – если так захотят боги.

– Это глупо, – сказал Джон. Он глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Помню, как однажды я спрашивал у мэйстера Лювина, почему он носит цепь вокруг шеи...

Мэйстер Эймон легко прикоснулся к собственной цепи, костлявый морщинистый палец погладил тяжелые металлические кольца.

– Продолжай.

– Лювин сказал мне, что оплечье мэйстера делается в виде цепи, чтобы он не забывал о том, что дал присягу служить, – сказал Джон вспоминая. – Потом я спросил, почему все кольца делаются из разных металлов. Ведь серебряная цепь лучше смотрится с серым одеянием. Мэйстер Лювин расхохотался. Он объяснил мне, что мэйстер кует свою цепь по мере обучения. Различные металлы олицетворяют

разные науки. Золото – знак знания денег и расчета, серебро – умения исцелять, железо – военного дела. Он сказал, что есть и другие истолкования. Наплечье должно напоминать мэйстеру о стране, которой он служит, так ведь? Лорды – это золото, рыцари – сталь, но из двух звеньев цепь не скуешь, нужны серебро и железо, свинец и олово, медь и бронза и все остальные – то есть фермеры, кузнецы, торговцы и прочие люди. В цепи должны быть разные металлы, а в стране – разные люди.

Мэйстер Эймон улыбнулся:

– И что же?

– Ночному Дозору также нужны всякие люди. Зачем существуют разведчики, стюарды и строители? Лорд Рендилл не смог сделать из Сэма воина, и сир Аллисер тоже ничего не добьется. Из олова не выкуешь железный меч, сколько ни стучи молотом, но это не значит, что олово бесполезно. Почему бы Сэму не стать стюардом?

Четт не выдержал и опять влез в разговор:

– Я – стюард. Думаешь, это легкая работа, как раз для трúсов? Орден стюардов поддерживает жизнь Дозора. Мы охотимся, возделываем землю, ухаживаем за конями, доим коров, возим и колем дрова, готовим еду. Как ты думаешь, кто делает одежду? Кто привозит припасы с юга? Стюарды!

Мэйстер Эймон ответил мягче:

– Твой друг охотник?

– Он ненавидит охоту, – пришлось признать Джону.

– Умеет ли он возделывать поле? – спросил мэйстер. – Сможет ли он править фургоном или плыть под парусом? Сумеет ли он забить корову?

– Нет.

Четт нахально захихикал:

– Видел я, что случается с изнеженными лорденышами, когда они берутся за дело! Поставь его сбивать масло, так кровавые мозоли набьет. Дай колун, чтобы колоть дрова, так ногу себе отрубит!

– Но я знаю, в чем Сэм превосходит всех остальных.

– И что же это? – спросил мэйстер Эймон.

Джон с опаской глянул на побагровевшего Четта, стоявшего возле двери с сердитым лицом.

– Он может помочь лично вам, – сказал он. – Он умеет считать, читать и писать. Я знаю, что Четт не умеет читать, а у Клидаса слабые глаза. Сэм прочел каждую книгу в библиотеке своего отца. Он ладит с вóронами, животные любят его. Призрак сразу привязался к нему. Он умеет многое, если не считать военного дела. Ночному Дозору нужен каждый человек. Зачем же бесцельно убивать его, когда лучше приставить к делу!

Мэйстер Эймон закрыл глаза. На короткое мгновение Джон было решил, что он уснул. Но наконец старик произнес:

– Мэйстер Лювин хорошо выучил тебя, Джон Сноу. Твой ум, похоже, столь же ловок, как твой клинок.

– Значит ли это...

– Это значит, что я обдумаю твои слова, – твердо сказал ему мэйстер. – А теперь, похоже, я сумею уснуть. Четт, проводи нашего юного брата до двери!

Тирион

Они укрылись в осиновой роще, неподалеку от высокогорной дороги. Тирион собирал хворост, пока кони пили из горного ручья. Он нагнулся, чтобы подобрать обломанную ветвь, и критически осмотрел ее.

– Эта подойдет? Я не умею разводить огонь. Костром всегда занимался Моррек.

– *Костром?* – спросил Бронн сплевывая. – Неужели ты настолько проголодался, чтобы хотеть себе смерти, карлик? Или здравый смысл распрощался с твоей головой? Костер немедленно привлечет сюда горцев со всей округи. А я, Ланнистер, намереваюсь пережить это путешествие.

– И как ты надеешься сделать это? – спросил Тирион. Он засунул сухую ветвь под мышку и пошел через редкий подлесок за другими. Натруженная в пути спина его ныла; выехали они с рассветом, когда сир Лин Корбрей с каменным лицом выставил их за Кровавые Ворота и велел никогда не возвращаться в Долину.

– У нас нет и шанса с боем пробиться назад, – сказал Бронн. – Но двое проедут дальше, чем десятеро, и привлекут к себе меньше внимания. Чем меньше дней мы проведем в этих горах, тем более вероятно, что мы сумеем добраться до Речных земель. Скакать придется быстро и усердно. Будем путешествовать ночью, прятаться днем, избегать дороги, где только можно. Еще придется не шуметь и не зажигать костров.

Тирион Ланнистер вздохнул:

– Великолепный план, Бронн. Делай как хочешь... однако прости, если я не стану задерживаться, чтобы похоронить тебя.

– Ты решил пережить меня, карлик? – Наемник ухмыльнулся. Улыбка его зияла дырой там, где сир Вардис Иген краем щита выбил ему зуб.

Тирион пожал плечами:

– Если скакать усердно и быстро ночами, можно без особых хлопот свалиться с горы и разбить себе череп. Я лично предпочитаю передвигаться без спешки и ненужных усилий. Я знаю, как тебе

нравится конина, Бронн, но если наши лошади падут на этот раз, седлать придется уже сумеречных котов. Потом, горцы все равно заметят нас – что бы мы ни делали. Их глаза и сейчас смотрят в нашу сторону. – Тирион указал рукой в перчатке в сторону окружающих их высоких, продуваемых ветром утесов.

Бронн скривился:

– Раз так, мы уже мертвецы, Ланнистер.

– И в таком случае я предпочитаю хотя бы умереть в уюте, – ответил Тирион. – Нам нужен костер. Ночи здесь холодны, и горячая пища согреет наши животы и поднимет дух. Как по-твоему, может здесь найтись какая-нибудь дичь? Леди Лиза по доброте своей в изобилии снабдила нас соленой говядиной, твердым сыром и черствым хлебом, однако мне не хотелось бы сломать себе зуб в такой дали от ближайшего мэстера.

– Я найду мясо. – Темные глаза Бронна с подозрением глянули на Тириона из-под водопада черных волос. – Я могу бросить тебя здесь, у этого дурацкого костра. И забрать твоего коня, чтобы у меня был запасной. Что ты будешь делать тогда, карлик?

– Умру скорее всего. – Тирион нагнулся, чтобы подобрать еще одну палку.

– И ты не считаешь, что так я и поступлю?

– Ты бы сделал это прямо сейчас, если бы знал, что таким образом сохранишь себе жизнь. Вспомни, как ты поторопился избавиться от жизни своего друга Чиггена, когда тот получил стрелу в живот. – Запрокинув голову Чиггена назад, Бронн вогнал ему острие кинжала прямо под ухо, а потом объяснил Кэтлин Старк, что спутник его умер от раны.

– Он был уже все равно что мертв, – отвечал Бронн. – А стоны его могли бы навести на нас горцев. Чигген сделал бы то же самое со мной... И он не был мне другом, просто нам случилось ехать рядом в одну сторону. Не ошибись, карлик. Я бился за тебя, но не испытываю к тебе любви.

– Мне нужен был твой клинок, – ответил Тирион, бросая хворост на землю, – а не любовь.

Бронн ухмыльнулся:

– Признаю, ты отважен, как наш брат наемник. А как ты узнал, что я стану на твою сторону?

– Узнал? – Тирион неловко опустился на коротких ногах, чтобы развести костер. – Я бросил кости. Там, в гостинице, вы с Чиггеном помогли захватить меня. Почему? Остальные считали, что обязаны совершить подобный поступок, этого требовала честь лордов, которым они служили, но что заставило вас присоединиться к ним? Ведь у вас не было лорда и обязанностей, вы не должны были угождать какой-то там чести. Зачем же связываться?

Достав нож, Тирион принялся состругивать тонкие полоски коры с одной из ветвей, чтобы использовать в качестве растопки.

– Зачем вообще наемники что-нибудь делают? Ради золота. Вы думали, что леди Кэтлин наградит вас за помощь, быть может, даже возьмет на службу. Этого хватит, надеюсь. У тебя есть кремень?

Бронн запустил два пальца в кисет на поясе и достал кремень. Тирион поймал его в воздухе.

– Благодарю, – сказал он. – Дело в том, что ты не был знаком со Старками. Лорд Эддард – человек гордый, почтенный и честный, а его леди-жена еще хуже. О, вне сомнения, она в конце концов отыскала бы для тебя монету-другую и вложила бы ее тебе в руку – вместе с вежливым словом и неприязнью во взгляде, но это все, на что вы могли рассчитывать. Старки желают видеть отвагу, верность и честь в тех людях, которых берут на службу. Ну а вы с Чиггеном, откровенно говоря, низменные подонки. – Тирион ударил кремнем о кинжал, пытаюсь высечь огонь, но безуспешно.

Бронн фыркнул:

– У тебя смелый язык, человек. Однажды кто-нибудь захочет отрезать его и затолкать тебе в глотку.

– Это мне все пророчат. – Тирион поглядел на наемника. – Разве я обидел тебя? Прошу прощения... Но ты же подонок, Бронн, ошибки быть не может. Долг, честь, дружба... Что говорят тебе эти слова? Только не затрудняй себя, мы оба знаем ответ. И тем не менее ты не глуп. Когда мы добрались до Долины, леди Старк более не нуждалась в тебе... в отличие от меня... А Ланнистеры никогда не испытывали недостатка в золоте. Когда настал момент бросать кости, я рассчитывал на то, что у тебя хватит ума, чтобы понять, где лежит твоя выгода. К моему счастью, ты это понял. – Он вновь ударил камнем о сталь и снова без результата.

– Дай-ка, – сказал Бронн, присаживаясь на корточки. – Я сделаю. – Он забрал кремень из рук Тириона и высек искру с первого удара. Кусок коры задымился.

– Отличная работа, – сказал Тирион. – Пусть ты и негодяй, однако человек необычайно полезный, а с мечом в руке почти не уступаешь моему брату Джейме. Чего ты хочешь, Бронн? Золота? Земли? Женщин? Сохрани мою жизнь, и ты получишь все это.

Бронн осторожно раздувал огонек, язычки пламени сразу вспрыгнули повыше.

– А если ты погибнешь?

– Ну, тогда меня хотя бы один человек оплачет от всего сердца, – ухмыльнулся Тирион. – Золото-то кончится вместе со мной!

Костер запылал. Бронн поднялся, опуская кремень в кiset, и бросил Тириону кинжал.

– Честная сделка, – сказал он. – Мой меч принадлежит тебе... Только не рассчитывай, что я буду преклонять колени и называть тебя м'лордом всякий раз, когда ты присаживаешься посрать. Я не умею быть чьим-либо прихвостнем.

– И другом тоже, – отвечал Тирион. – Я ничуть не сомневаюсь, что ты предашь и меня, словно леди Старк, если усмотришь свою выгоду. Но если настанет день, когда ты почувствуешь желание продать меня, запомни, Бронн: я могу дать столько же, сколько тебе предложат, даже больше. Мне нравится жить. А теперь, как ты думаешь, нельзя ли нам сообразить насчет ужина?

– Позаботься о лошадях, – сказал Бронн, извлекая длинный кинжал, который носил на бедре. И направился в лес.

Через час кони были вычищены и накормлены, огонь весело потрескивал, и нога молодого козленка висела над костром, капая на уголья шипящим жиром.

– Нам не хватает теперь только хорошего вина, чтобы залить нашего козленка, – проговорил Тирион.

– А к вину бабы и дюжины спутников, – согласился Бронн.

Он сидел, скрестив ноги, возле костра, шлифуя край своего длинного меча точильным камнем. Шелестящий звук вселял в душу Тириона странную уверенность.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал наемник. – Я подежурю первую стражу... не знаю только, к добру это или нет. Может, будет лучше,

если нас прирежут во сне.

– Что ты! По-моему, они окажутся здесь задолго до того, как дойдет до сна. – Запах жареного мяса наполнил рот Тириона слюной.

Бронн посмотрел на него через костер.

– У тебя есть план, – сказал он ровным голосом, сквозь скрип камня по стали.

– Назовем его надеждой, – сказал Тирион. – И еще раз бросим кости.

– Поставив свои жизни в качестве заклада?

Тирион пожал плечами:

– А что еще у нас осталось?

Склонившись над очагом, он отрезал себе тоненький ломтик мяса.

– Ах, – вздохнул он, блаженно жуя. Жир побежал по его подбородку. – Мясо, пожалуй, жестковато, не помешали бы и какие-нибудь приправы, однако мне жаловаться не пристало: если бы мы остались в Орлином Гнезде, я бы плясал на краю обрыва, пытаюсь выслужить вареный боб.

– И все же ты дал тюремщику кошелек с золотом, – проговорил Бронн.

– Ланнистеры всегда платят свои долги.

...Морд едва поверил своим глазам, когда Тирион бросил ему кожаную мошну. Глаза тюремщика округлились, как вареные яйца, когда, потянув за веревочку, он увидел внутри блеск золота.

– Серебро я оставил себе, – сказал Тирион с кривой улыбкой, – но тебе было обещано золото, вот оно.

Денег было много больше, чем человек, подобный Морду, мог бы заработать, тираня узников целую жизнь.

– Помни мои слова, я дал тебе только попробовать! Если тебе когда-нибудь надоест служить леди Аррен, приезжай в Утес Кастерли, и я выплачу тебе остаток долга.

Рассыпая золотые драконы, Морд упал на колени и пообещал, что поступит именно так.

Бронн извлек свой кинжал и снял мясо с очага. Он принялся срезать с кости толстые обугленные ломти, а тем временем Тирион смастерил из двух горбушек черствого хлеба нечто вроде тарелок.